

Королева драмы

Мира Мач
Королева драмы

«Автор»

2026

Мач М.

Королева драмы / М. Мач — «Автор», 2026

Вторая книга дилогии, начатой «Путевкой в Калифорнию». Если первая книга об исчезновении мамы и потере детства, то вторая о том, как девочка, выросшая без матери, пытается заполнить эту пустоту и попадает в ловушку, из которой не видно выхода. Гаечка стала для Миры той, кого ей так не хватало: заботливой, понимающей, щедрой. Мира поверила в сказку и прожила в ней двадцать лет. А когда правда открылась, оказалось, что самый страшный диагноз не рак. А то, что ты веришь в чужую ложь, потому что правда слишком страшна. Это книга о взрослении, о поиске себя, о том, как мы проецируем на других людей свои надежды и как трудно бывает признать, что мы ошиблись. И о том, что даже после самой страшной лжи можно научиться жить заново.

© Мач М., 2026

© Автор, 2026

Мира Мач

Королева драмы

Мач Мира «Королева драмы»
(повесть основана на реальных событиях)

Пролог

Дети уже спали. Мира только что приняла душ и легла в постель со свежим постельным бельём горчичного цвета. Оно пахло кондиционером с мандариновой ноткой, который она использовала иногда, чтобы не привыкать к нему и замечать его. Этот запах ассоциировался у неё с новым годом из детства, когда мама особенно старалась для них с братом. Готовила праздничный стол, пекла торт «Наполеон» с заварным кремом и клала подарки под ёлку. Мира взяла телефон, чтобы перед сном убедиться, что на нём нет новых уведомлений, и увидела входящий звонок.

На экране было написано: «Папа».

Сердце подпрыгнуло, забилось чаще. Они никогда не звонили друг другу. Максимум их общения - в мессенджере: он скидывал смешные видео, а она отвечала ему фотографиями себя и своих детей. Вечерний звонок был тревожен сам по себе. Как будто нёс с собой что-то плохое, тяжёлое, что нельзя было сказать в сообщении.

Мира набрала воздуха, провела пальцем по экрану, поднесла телефон к уху.

- Алло?

- Не спишь ещё? - услышала она. Голос отца был заплетающимся, тягучим, с той особенной интонацией, которая появлялась у него после бутылки. Он говорил медленно, растягивая слова, будто каждое из них стоило ему усилий.

- Только легла, - сказала Мира. - Что случилось, пап?

- Да просто... - Он замолчал на секунду. - Ты вчера фотки эти показала, и мне приснилась Марина.

Мира выдохнула. Накануне был его день рождения. Она заезжала поздравить его и, сама не зная зачем, нашла большой старый семейный альбом с чёрно-белыми фотографиями, наклеенными на картонных страницах. Они сидели с отцом на кухне, листали альбом, и с фотографий на них смотрели счастливые подростки. Её мама Марина и папа Андрей. Смеющиеся, молодые, ещё не знающие, что их ждёт впереди. А теперь перед ней сидел слабый старый мужчина. Он всё ещё был достаточно крепкого телосложения, но когда он ходил по кухне от стола до холодильника, сгорбившись, шаркающей походкой, ей казалось, если нажать на него указательным пальцем, то он упадёт.

- Господи, папа, - сказала Мира. - Ну ты меня напугал. Звонишь ночью. Мало ли кто звонит и с какими новостями.

Она намекала на госпитализацию или на что-то ещё более ужасное.

- Доча, - продолжал отец, еле шевеля языком. - Она мне снилась сегодня. Мы с ней занимались любовью.

Мира поморщилась, прикрыла глаза ладонью, но промолчала. Она знала этот его заплетающийся голос. Знала, что он снова пьян. Но она слушала. Потому что для неё было непривычно и странно слышать голос отца через телефон.

- Ну вот чего ей не хватало? - спросил он. - Чего ей не хватало, скажи? Почему она ушла?

Мира молчала. Она не знала ответа.

- Знаешь, доча, о чём я жалею? - голос отца дрогнул. - Очень сильно жалею... О том, что мало проводил с тобой и твоим братом времени. Мало общался с вами. И ты вот не звонишь совсем... Ну оно понятно... Не приучена.

И тут он зарыдал.

Мира лежала в своей кровати, глядя в потолок, и ничего не чувствовала. Она слышала, как он плачет, как слова его превращаются в бессвязные всхлипы, как он пытается говорить и не может. И она знала, что должна что-то сказать, но не находила слов.

- Доча, - выдавил он сквозь слёзы. - Прости меня, пожалуйста. Прости, что бил тебя.

Мира закрыла глаза. Она столько лет ждала этих слов. Она помнит, как ненавидела отца за это, как потом презирала, проклинала. Как она ходила к психологам, и искала ответы на вопросы: почему? за что? Она ждала этого «прости» всю свою жизнь. Но вот именно сегодня, когда это случилось, она не чувствовала ничего. Потому что простила его давно. Простила, чтобы перестать носить эту тяжесть. Чтобы освободиться от этой боли.

- Пап, - сказала она ровно. - Да я простила тебя давно. Главное, что я выросла другой и воспитываю своих детей иначе.

Он говорил с ней ещё час. Вспоминал её маму. Вспоминал, какая она была, как они познакомились, как жили в поселке. Мира слушала, изредка угукала, чтобы подтвердить своё присутствие на линии.

- Пап, - сказала она наконец. - Уже час прошёл. Нас сейчас разъедят. Да и спать пора. Мне вставать в шесть утра, детей везти в школу, самой на работу.

Они попрощались. Мира положила телефон на тумбочку, натянула одеяло до подбородка и устала в потолок. В комнате было темно. Только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в шторах. Она закрыла глаза и начала думать о своем детстве, вспоминая свой поселок на севере острова и свою маму.

Глава 1.

Мира выросла в маленьком поселке на севере острова. Там, где весна приходит с опозданием, а лето короткое, как детство. Там, где люди живут в пятиэтажках, окруженных огородами.

Она помнила запах маминых пирогов, запах варенья, которое варилось в эмалированном тазу и вкус зимнего борща из квашенной капусты. Она помнила, как они с мамой и папой собирали грузди в лесу, как солили рыбу в бочках, как лепили пельмени всей семьёй. Зимой – мясные, осенью – рыбные. Она помнила, как мама шила себе наряды длинными вечерами и как по выходным жарила пышные оладьи из теста на кефире, стоя у плиты в своей старой длинной футболке.

А потом страна начала меняться: развал Союза, пустые полки, задержки зарплат. Всё это добралось и до их поселка. Людям перестали платить вовремя заработную плату, а иногда и вовсе не платили. Отец, автомеханик, работал сам на себя, но работы стало меньше. Тогда он начал гонять битые машины из города, восстанавливать их и продавать. А мама, вчерашняя советская учительница английского языка, сделала шаг, на который не решилась бы раньше. Она устроилась переводчиком в иностранную компанию. Нефть, буровые, американцы. Она уезжала на вахту в нефтяное месторождение «Окружное» и возвращалась другой. С подарками для них с братом. С блеском в глазах. Счастливой.

Вскоре они переехали из посёлка в островную столицу. Родители купили дом с гаражом и отец продолжил работать, ремонтируя и восстанавливая машины. Миру и брата Диму отдали в гимназию. Она помнила, как в первое сентября чувствовала себя неловко из-за одежды. Мира была одета в мамин серый костюм, который казался ей очень модным и красивым. Но на фоне сверстниц, она выглядела в нем очень взрослой и так неуместно, что одноклассники подходили и спрашивали, не практикантка ли она из университета.

Мама пропала без вести 7 апреля 1997 года. Мире было 15 лет, Диме – 8. Мира никогда не сможет забыть этот день, так часто она прокручивала потом его события в голове. Они с отцом

встретили маму с братом на вокзале и поехали в школу. Мира с Димой вышли из машины, а мама с папой поехали домой. И больше Мира маму не видела никогда.

После того, как отец подал заявление об исчезновении мамы, начались визиты в милицию. Сначала беседы были при отце, потом её стали вызывать одну. Мира сидела на скрипучем неудобном стуле в прокуренном кабинете и отвечала на вопросы. Про встречу на вокзале. Про новые сапоги, которые остались в коридоре. Следователь слушал, все записывал, кивал.

Сначала она молчала о маминим друге. Не понимала, как рассказать и насколько эта информация важна. Она знала о нём немного: мама познакомилась с ним на работе, он американец, его зовут Кристофер Коллинс и он должен забрать их с мамой и братом в Калифорнию. Мама говорила о нём с таким блеском в глазах, которого Мира не видела никогда.

Мама познакомила его с Мирой в гостинице, она помнила его седые волосы, широкую улыбку, странную стрижку, и то как мама смотрела на него.

Но время шло. Второй день, третий, четвёртый. Мира перебирала в голове всё, что знала. Гостиницу. Кристофера. Мамины слова о Калифорнии. И понимала: надо всё рассказать.

Они с отцом сидели на кухне, работал телевизор и Мира смотрела на его руки - большие, с чёрными от мазута пальцами, которые сжимали кружку с остывшим чаем. Она не знала, с чего начать. Просто выдохнула:

- Папа, у мамы был друг. Американец.

Отец поднял голову. Смотрел на неё так, как будто она ударила его. Его лицо изменилось - стало бледным. Он не сказал ни слова, но Мира видела: он в шоке.

- Какой еще друг? - переспросил он. Голос был глухим, почти беззвучным.

- Его зовут Кристофер Коллинс, - ответила Мира.

Он встал из-за стола так резко, что стул упал на пол. Мира испугалась. Она думала, он сейчас ударит её или разобьёт кружку. Но отец просто стоял и смотрел на неё. И его серые глаза стали совсем прозрачными.

- Рассказывай, - сказал он.

И Мира рассказала. Про знакомство в гостинице с Кристофером, про планы мамы на развод, её намерение уехать жить с этим Кристофером в Калифорнию и забрать их с братом с собой. Когда она закончила, он закурил тут же на кухне, подавился дымом и закашлялся. Потушил сигарету в пепельнице, встал, подошел к раковине с медными кранами, умылся холодной водой, развернулся к дочери и спросил:

- Ты помнишь, в какой гостинице вы встречались?

- Конечно, - сказала Мира. - Я покажу.

Они поехали вдвоем на пикапе в ту самую гостиницу, в которую приводила её мама до исчезновения. Отец молчал всю дорогу.

В гостинице на ресепшене сидела молодая женщина в синем пиджаке с вежливой улыбкой.

- Кристофер Коллинс? - переспросила она. - Он съехал. Несколько дней назад.

Они вышли на улицу. Отец закурил, посмотрел на небо. Мира стояла рядом и не знала, что сказать.

А через день Мира сидела в кабинете следователя.

- У мамы был друг. Американец. Кристофер Коллинс.

Следователь поднял голову, посмотрел на неё поверх очков.

- Так-так-так. – протянул он – Ну, рассказывай

И Мира повторила всё, что рассказала отцу. Следователь записывал, задавая по ходу уточняющие вопросы.

- Отец знает?

- Я вчера рассказала ему, - сказала Мира.

Она вышла на улицу и пошла на автобусную остановку, чувствуя, как легкая надежда появилась в её душе. Сейчас милиция разыщет этого Кристофера, и мама найдется.

Шли дни. Известий от милиции не было. И тогда Мира решила сама сходить в офис маминой компании. После школы она села в автобус и поехала в центр города.

Мира помнила здание: монументальное, с фасадом из светлого камня и вертикальными окнами. Оно находилось в самом центре города, напротив театра. Однажды мама брала её с собой в офис и вид с четвертого этажа впечатлил Миру. Из окна фойе она увидела тогда большой ухоженный зеленый газон, на площади перед зданием, посередине которого был выложен разноцветными цветами знак доллара.

Внутри офиса пахло кофе, на ресепшене сидела молодая женщина. Она подняла голову, когда Мира вошла, улыбнулась широкой улыбкой и спросила:

- Вы к кому?

- Здравствуйте. Я ищу свою маму, - сказала Мира. - Её зовут Марина Смирнова. Она работает у вас переводчиком в Окружном. Она пропала. Вы не знаете, где она может быть?

Секретарша нахмурилась, отложила ручку.

- Подожди минутку, - сказала она и вышла из кабинета.

Через минуту она вернулась с женщиной постарше.

- Ты дочь Марины? - спросила она.

- Да, - сказала Мира.

Женщина вздохнула, пригласила её пройти в другой кабинет. Мира села на стул, сжала руки на коленях. Женщина смотрела на неё с жалостью, и этот взгляд был хуже любых слов.

- Мы уже знаем, - сказала она. - К нам приходил следователь. Мы все очень переживаем. Но мы совершенно ничего не знаем.

- А Кристофер? - спросила Мира.

Женщина нахмурилась.

- Он уволился сразу после того, как Марина перестала выходить на связь и вернулся домой в Калифорнию.

Лифт бесшумно спустил Миру на первый этаж, двери открылись, и она шагнула в прохладный холл. Она шла до автобусной остановки медленно. Ноги налились свинцом, а внутри – полная безнадежность. Очнулась уже у ворот дома. Когда она вошла в детскую, то застала брата Диму, сидящего за письменным столом спиной к двери. Она подошла к нему, обняла за плечи и увидела рисунок, который брат уже заканчивал. На нём были изображены две взрослые фигуры - мужчина и женщина, двое детей: девочка постарше, мальчик помладше, и белая собака с чёрными ушами и чёрным пятном на глазу.

- Мама вернётся, - сказал Дима. - И я ей подарю этот рисунок.

Мира прижалась щекой к его макушке и зажмурила глаза, чтобы остановить подступающие слезы, обняла брата крепче и прошептала:

- Конечно, вернётся. Мы будем ждать. Мы всегда будем ждать.

Она не знала еще тогда, что ждать придётся долго. Всю жизнь.

После исчезновения мамы в доме стало совсем тихо. Они жили – отец, Мира и брат Дима - как три тени, которые пересекались на кухне за столом.

Мира старалась вести хозяйство: стирала, убирала, готовила еду. Их рацион состоял в то время, как правило, из макарон с сосисками «Чак Вагон», порезанными кружочками, или заваренной кипятком картошки-пюре быстрого приготовления из пакета с тигрёнком и жареных «ножек Буша». Так называли огромные куриные окорочка, которые тогда завозили в постсоветское пространство из Америки. Мира хотела, чтобы отец был ей доволен. Чтобы он приходил из гаража и видел, что она старается. Но иногда у неё не получалось уследить за всем.

Однажды отец пришёл домой поздно вечером. Усталый, злой. На плите стояла та самая картошка-пюре быстрого приготовления. Мира заварила её в обед, чтобы он мог поесть, когда

вернется. Но на улице стояла жара, а отец задержался. Он плюхнул пюре в тарелку, замер на секунду и скривился. «Прокисла» - процедил он сквозь зубы и швырнул тарелку на плиту.

Мира поняла: сейчас ей будет больно. Но она уже физически не могла больше терпеть эту боль от ударов. И тут она впервые вскочила, выбежала из кухни, залетела в детскую и залезла под кровать, на которой спал Дима. Прижалась всем телом к полу, затаив дыхание.

Отец вошёл, остановился у кровати и замер. Он увидел пальцы её ног, которые торчали из-под кровати. А Мира вся сжалась в комок. Она думала о том, что сейчас он схватит её за ноги, вытащит, а потом будет бить её.

- Доча, доча... да что ж это такое... Что же я делаю?... Вылезай..., - услышала она.

Голос его был растерянным. Она даже не сразу поверила ему. Может быть, она ослышалась? Может быть, ей это кажется? Он позвал её еще раз, и она стала вылезать из-под кровати. Села на пол, обхватив колени руками, спрятала в них лицо и смотрела на него снизу исподлобья. В глазах её был животный страх.

- Доча, я же люблю тебя.

Это был первый и единственный раз, когда отец сказал ей, что он её любит. И она запомнила этот вечер на всю жизнь. Еще и потому, что отец с тех пор её больше не бил.

Он вернулся на кухню. Мира осталась сидеть на полу, прижав колени к груди, и тут она услышала, как в коридоре зацокали по полу лапы её любимого пса Бени. Он аккуратно толкнул носом дверь и зашёл в комнату трусливо виляя хвостом.

- Иди сюда, - сказала Мира и протянула к нему руки.

Беня был белым бультерьером с чёрными ушами и чёрным пятном на левом глазу. Она гладила его, а он жалел её похрюкивая, как это делают собаки этой породы.

Беня появился в их доме до того, как исчезла мама. Он помнил, как пахнет дом, когда мама была рядом. Он слышал её голос, помнил её руки.

Было темно. Штор на окнах не было, и уличный фонарь заливал комнату жёлтым, мутным светом. Он падал на пол рисунком тюли, выхватывая из темноты старый шкаф, письменный стол, кровать, на которой спал Дима и Мирин диван.

Она сходила в ванную комнату, вернулась в детскую, и уже хотела лечь, но вдруг услышала сдавленный всхлип. Она прислушалась, подошла к кровати брата, осторожно приподняла край одеяла и увидела большие карие глаза, полные слёз. Они блестели, как две черные стеклянные пуговицы.

- Ты чего? - шёпотом спросила Мира.

Дима не мог говорить. Он начал шмыгать носом, глотать слёзы, и слова выходили из него с трудом:

- Мне тебя так жалко... так жалко...

У Мира сжалось сердце. Она села на кровать, обняла его, прижала к себе. Он был тёплым, маленьким, пахнущим сном. Она гладила его по спине и шептала: «Тихо, тихо, всё хорошо». Она успокаивала его, пока он не перестал всхлипать. Потом уложила, поправила одеяло.

- Спи, - сказала она. - Всё хорошо.

Мира легла на свой диван и тут к ней подошёл Беня. Он смотрел на неё своими маленькими треугольными глазами. Она улыбнулась, откинула одеяло, и он залез к ней.

- Мир, можно я сегодня с тобой посплю? – прошептал Дима.

- Конечно, - сказала она. - Иди сюда.

Брат перебрался к ней, положил голову ей на плечо.

Так они и лежали втроём. И Мира чувствовала их тепло. И ей было так хорошо.

Глава 2.

Когда отец был в гараже, Мира заходила в родительскую спальню, доставала мамины вещи из шкафа и сидела на полу, вдыхая их аромат. Они всё ещё пахли её телом, духами, и чем-то родным, что невозможно было описать. Мира сидела так и слёзы текли по её щекам. А потом возвращалась в детскую комнату и включала на магнитофоне кассету Лайонела Ричи. Hello, is it me you're looking for? Мира знала эту песню наизусть. Это была мамина любимая песня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.